

Иван БАХТИН

ЛЮБОВША

Часть четвертая. На Волховском фронте Окончание

ПУЛЕМЕТ

Помню, как замолк наш "максим" Никанорыча. Я в это время был на телефоне в землянке, Хамыш - рядом. Он вышел, точнее выполз посмотреть и почти сразу влетел назад, возбужденный. «Моя пулемет не знай!», кричал он. «Немцы!». Я выскочил наружу. У пулемета никого не было - ни Никанорыча, ни казаха, второго номера. И несмотря на нашу огневую активность (стрелковую и артиллерийско-минометную) - немцы перли на нас, кажется, были видны их искаженные то ли злобой, то ли страшным нашим огнем, лица. Пришлось за телефон посадить Хамыша, а самому лечь за пулемет, и откуда-то появился казах. "Где был ты, растакую твою мать?" - крикнул я на него в злобе. Он ответил: «Моя провожал Никанура на другой пулемет».

Несколько секунд ушло на это словопроение, и мои руки почувствовали дрожь от рукоятки «максима». Забыв обо всем на свете, я с неприличиями (а стрелял из него еще весной 1940 года, на уроках военных курсов в техникуме) «поливал» фашистов длинными очередями. Затем, по совету казаха, сменил огневую позицию, и по его же совету стал бить короткими очередями, выбирая места их атаки, где врагов было гуще... Вдруг пулемет замолк - заклинило ленту. У нас они были брезентовые, капризные, в отличие от немецких, железных. Я попытался что-то сделать... Слева казахковырял ножом приемник. Прошло может, две - три минуты. Когда я поднял голову, увидел, что немцы приближаются и уже длинными перебежками.

Военным чутьем, обостренным чувством опасности я понял, что нам не удержать позицию. Крикнув: «Уходим!», я схватил автомат, и мы бросились назад.

...На войне минута кажется вечностью, время идет по каким-то другим законам, ведь рядом-смерть. Сколько мы бежали? Наверное, не больше пяти минут. Бежали по изгибам хода сообщения ко вторым траншеям. Над нами свистели пули, мы цеплялись ногами за корни деревьев, падали, перепрыгивали через заваленные участки, вязли в еловом лапнике от обвалившихся стенок траншеи... Позже я думал, что это было - трусость? Нет, сработал инстинкт самосохранения в безнадёжной ситуации. Да, я солдат, но связист, а не пулеметчик и не получал приказ держать свой сектор обстрела до последнего...

...Вдруг земля ушла из-под наших ног, затряслась и поехала в сторону, нас бросило на дно траншеи. Совсем рядом рвались на куски небо и земля, все гремело и грохотало, залпы орудий и взрывы сливались в один общий дробный гул. Работала батарея. И в этом адском грохоте кругом летели комья земли, свистели осколки, срезая ветки у ближних сосен. Оглушенные, мы лежали на дне траншеи с открытыми ртами, пытаясь захватить уши под касками. Обстрел велся по тому месту, где мы только что

были, вернее - перед первой траншеей.

Позже мы узнали, что наши поставили заградительный огонь по пристрелянным ориентирам и очередная атака немцев снова захлебнулась.

СНОВАНАНП

Прибежав назад, я бросился к телефону-молчит! Чтобы быстрее найти порыв, Хамиддулин и Серов сразу побежали к реке, я - вдоль нитки. На телефоне остался Панченко, у пулемета - казах. В некоторых местах пришлось падать в воронки в надежде спрятаться от осколков.

Ребята все-таки нашли перебитый провод, я подключился - ответил Панченко. Прибежал благополучно - не задело, только весь мокрый от пота. За пулеметом лежал казах, подошел Вася, комзвода. Он проверял «работу» Никанорыча и справлялся о наличии боеприпасов. Как и мы, он был в грязной, кое-где порванной фуфайке, но весь он был само внимание, сама сосредоточенность. Сказал, что от артобстрелов у нас большие потери, большие разрушения окопов, блиндажей. А вот «огурчиков» (так мы звали для конспирации снаряды) маловато, приходится экономить. А такая экономя дорого обходится лишняя кровь, оборванные жизни.

А немцы не останавливались - вели артгонг, десятками своих выстрелов на каждый наш снаряд. Недаром припомнилась немецкая пословица: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Больше двух дней длился этот ужас: артиллерийский и пулеметный огонь с двух сторон, огромные разрушения: воронки, развороченные окопы. От кустарника, что рос на нашей стороне, ничего не осталось - разбросанные ветки, изрубленные осколками и взрывами. Сильно страдала и наша переправа.

В какой-то мере и нам, и немцам мешал туман: им - наступать, атаковать, а нам - отражать атаки целенаправленным артгонгом. Правда, туман был в первой половине дня чаще, а во второй почти пропадал. Пока шли бои, трупы убирали только из траншеи вверх, чтобы не мешали передвижению, а раненых перетаскивали во вторую траншею.

К вечеру артобстрел стал стихать, но пулеметные очереди, как летящие светлячки, бесконечно во всех направлениях бурвили густою мглу вечера. Отвечала, хотя и реже наша сторона. Еще сутки прошло: мы были голодные, страшно уставшие от бессонницы, холодные.

В полночь - приказ: сматывать нитку, а затем оставить НП. Впрочем, это было не в новинку. Мы же были в составе резерва Главного Командования, и нас все время бросали с одного участка на другой, чем изматывали наши физические силы до основания.

ОВОЙНЕ

Война - это прежде всего работа.

Тяжелая, изнурительная работа. Это не только пот от строительства необходимых укреплений и сооружений, но и чудовищные напряжения от всевозможных марш-бросков, чаще ночью. Устанешь - просто сил нет, и сейчас думаешь, и как только такое пережил?

Война - это и человеческие страдания: физические, психологические, нравственные. Это и крах человеческой жизни, не говоря о крови... Но порой чувство опасности настолько притуплялись что мы, не раздумывая об угрозе гибели, шли под снаряды и пули, лишь бы быстрее выполнить боевое задание. О возможности гибели или ранения не думали, такие мысли приходили уже после сделанного, когда, например, восстановишь нитку, или перебежишь угрожающий жизни участок обстрела. Но это - иногда. Часто об опасности, точнее, ее последствиях вспоминали уже после, в беседах на привалах или отдыхе.

И, думая о том времени, часто в голове возникают чьи-то слова: солдатский труд круто замешан на поту и крови. Точнее и лучше не скажешь.

Сложилось такое мнение, что на фронте человеческая жизнь ничего не стоит. Просто мы не думали о смерти, делали свою работу, ведь речь шла о спасении нашей страны от страшного в своих целях врага - фашистских захватчиков. А они для исполнения своих бредовых целей не щадили ни своих, ни наших жизней.

НА НОВОЕ МЕСТО

На сей раз нас привезли на какой-то глухой полустанок, до которого добирались пешком, как обычно. Кругом лес, высокий, не тронутый бомбежкой. Но от станции остались одни развалины, среди них - землянка и наш товарный эшелон.

Грузились трудно: усталость сковывала все движения, ныла спина, не слушались ноги, сплипались веки, в голове - пустота. Единственное желание - спать. Ох, как трудно бороться против желания спать - присесть хоть на минутку! Но сроки погрузки поджимают, да и возможность появления немецкой авиации не исключена. Когда наступил рассвет следующего дня, мы догрузили и пушки, и снаряды.

Мы-это второй дивизион 1097 пушечно-артиллерийского полка. Первый дивизион уже ушел сутками раньше.

Не успели нас накормить, как появились с десяток ребятишек, одетые кое во что, и непонятно как обутих. Поражали их лица и глаза. Лица страшно худые и морщинистые, запавшие и опромные глаза, глаза молчаливые, но просящие. Им, наверное, судя по росту фигурок, было лет по шесть-восемь, не больше. Они у нас ничего не просили, а стояли у входа в вагоны и молча протягивали ручки, грязные, без варежек... Молча просили, одними глазами... В некотором отдалении стояло человек

«Уважение к минувшему - вот черта, отличающая образованность от дикости»

А.С.Пушкин

пять, не больше, и тоже — в тряпье. Видимо, стеснялись подойти поближе и попросить поесть.

Снег местами втоптан до земли многочисленными нашими ногами, пушками, тракторами и все равно местами он доходил до уровня коленной ребятишек, которые стояли почти напротив нашего вагона.

Не стовариваясь, мы все бросились к своим вещмешкам. Вытаскивали сухари, хлеб, сахар, портянки, рукавицы, пилюльки... В общем, у кого что было - все, не стовариваясь, выскакивали из вагона и совали это ребятишкам — и ближним, и другим, дальним. Я отдал одному мальчишке весь запас "НЗ": сухари, банку консервов, солдатские перчатки с двумя пальцами. То же было и у нескольких других вагонов.

На душе стало горько! Мы были холостыми еще. А вот семейные, у кого дома были дети — Бардинов Н.П., Азаров А.П., Камалетдинов - плакали не стесняясь. В боях - на лицах злоба и сосредоточенность, суровое выражение, а здесь — слезы...

До сих пор эти протянутые ручки стоят перед моими глазами. Дети войны! В чем они виноваты в своей так сложившейся несчастной судьбе? Но всем ли она так обернулась своей лицевой стороной?

Поступила команда дать связь в вагон, где разместились штаб дивизиона. К вечеру наш эшелон тронулся. Когда остыли впечатления от этого события, и мы улеглись на нарах в теплушке, то разговоров о пережитом было очень много. Вся батарея с каким-то благоговением и особым вниманием смотрела на недавно плачущих солдат, отцов своих далеких и неизвестно где пребывавших детей.

ПРОПАЖА

Под стук колес одни стали рассматривать врученные письма, другие - вспоминать девушек, и тут я вспомнил о своем бумажнике, стал его искать. Но мои усилия были напрасными. Бумажник пропал! В нем были: значок "Ворошиловский стрелок", комсомольский билет, фотокартка Нины, немного солдатских денег. На мой вопрос о пропаже - никто не видел. Трудно описать мое тогдашнее состояние о такой невосполни-

мой потере! Как было обидно за эти вещи! Видимо, потерял на «пятачке», когда бежали в горочке по траншеям. Потерялась медаль и у Хамиддулина.

Откровенно говоря, я очень сожалел о потерянном значке "Ворошиловский стрелок". До войны он считался почетным, давали за хорошую стрельбу, и кто его носил, гордился им, а другие с завидным вниманием относились к награжденному этим значком. Увы - поздно я спохватился, спустя несколько дней, в поезде.

Помнится, в пути были несколько суток. Разгрузились опять же в лесу, на окраине какой-то заброшенной деревушки. Снега, кругом снега! Где-то слева, километров в шести - передовая. Бесконечные сползшие взрывов, отдаленный гул. Но это - далеко, и всерьез это никто не воспринимал. В пустую деревню запретили заходить - боялись мин-сюрпризов, боялись себя обнаружить от нечаянного взрыва. И поступила команда ночевать в снегу в вырытых ямах. Определели наряд часовых, в том числе и для охраны спящих. Им надо было через каждые сорок минут всех будить, чтобы они поворачивались на другой бок. Так и мы, связисты: вырыли яму в снегу на десять человек, настелили хвойного лапника, "облицевали" лапником стены, положили сверху «стропила» из веток, на которых расстелили и закрепили плащпалатку. У входа дежурил часовой, он и будил нас через установленное время. Потом его сменили, и он стал так же. Больше всего в таких "ночлегах" мерзли ноги, спина. А когда поворачивались на другой бок - то мелкая противная дрожь во всем теле.

Подняли нас на восходе солнышка, на небе еще были звезды. Часовые рассказали, что дважды ночью пролетала "рама", боялись что обнаружат. Помнится, мы так промерзли, что трудно было свернуть сигарку покурить. Дождавшись ясного утра, под высокими вьчками разожгли костер, чтобы обогреться и накопить воды из снега для «супреву». Сразу же определились - в случае обстрела кому куда бежать.

Утром после завтрака у комбата узнали, что мы где-то под Новгородом (он тогда был оккупирован)...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

п. Россошенский от «17» января 2017 года №3
Об утверждении отчета об исполнении бюджета Россошенского сельского поселения Краснозороенского района Орловской области за 4 квартал 2016 года
В соответствии с п.5 ст.264.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Утвердить исполнение бюджета Россошенского сельского поселения за 4 квартал 2016 года:
- 1.1. Численность муниципальных служащих, работников администрации сельского поселения согласно приложению 2.
2. Бухгалтеру Россошенского сельского поселения Семёновой А.Ю. в первую очередь направить собственные доходы на целевое расходование бюджетных средств.
3. Направить данное постановление для опубликования в районной газете «Красная Заря».
4. Контроль за исполнением постановления оставляю за собой.
Глава Россошенского сельского поселения Н.А. Елихин
Приложение 1 к постановлению администрации Россошенского сельского поселения от «17» января 2017 г. № 3

Сведения об итогах исполнении бюджета Россошенского сельского поселения за 4 квартал 2016 года.

Руководствуясь п.6 ст. 52 ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления РФ» от 06.10.2003 г №131-ФЗ и п.6. ст.46 Устава Россошенского сельского поселения Краснозороенского района Орловской области, предоставляем сведения об исполнении бюджета Россошенского сельского поселения за 4 квартал 2016 года.
Всего получено доходов в бюджет поселения - 3919,8 тыс. рублей.
Поступления в разрезе источников сложились следующим образом:
Налог на доходы физических лиц -134,2 тыс. руб.,
Единый сельскохозяйственный налог -112,2 тыс. руб.,
Налог на имущество - 58,7 тыс. руб.,
Земельный налог -1560,7 тыс. руб.,
Государственная пошлина -18,9 тыс. руб.,
Доходы от продажи земельных участков-1004,6 тыс.руб.,
Доходы, полученные в виде арендной платы - 29,2 тыс.руб.,
Дотации - 730,0 тыс. руб.
Субсидии, субвенции и иные трансферты- 264,4 тыс.руб.,
Безвозмездные поступления-1,9 тыс.руб.
Расходы по бюджетной классификации составили- 4241,0 тыс. руб.
Расходование по разделу бюджетной классификации сложилось сле-

дующим образом:

Общегосударственные вопросы -2037,5 тыс. руб.,
Национальная оборона -143,6 тыс. руб.,
Национальная экономика -296,9 тыс. руб.,
Жилищно-Коммунальное хозяйство-605,8 тыс. руб.,
Культура и Кинематография -1150,2 тыс. руб.,
Социальная политика -2,0 тыс. руб.,
Физическая культура и спорт - 5,0 тыс. руб.
Приложение 2 К постановлению администрации Россошенского сельского поселения от «17» января 2017 г №3
ЧИСЛЕННОСТЬ муниципальных служащих, работников администрации Россошенского сельского поселения за 4 квартал 2016 год

Раздел	Численность на 01.01.2016	Численность на 01.01.2017	Фонд оплаты труда за 4 кв. 2016 года, тыс. руб.
Общегосударственные расходы	6	5	957,6
- в т.ч. муниципальные служащие	3	3	458,9